

Женщина вновь спросила Юн Ци, обижают ли его во Дворце Наказаний или нет.

Юноша тотчас же почувствовал себя виноватым, в голове стали возникать воспоминания о том, как во Дворце Наказаний Юн Шань связывал и, руководствуясь собственными желаниями, бесцеремонно брал его. К тому же, вспомнив ещё и прошлую ночь, когда сам взял грех на душу и занялся с младшим братом развратными, грязными вещами, Юн Ци совсем не осмелился смотреть в лицо наложницы Ли и, опустив голову, проямлил:

— Отец-император с любовью отнёсся к своему сыну и уже освободил его, так что Ваш сын, матушка, вовсе не отведал каких-либо печалей и страданий. Сейчас, получив высочайший указ поразмышлять о своих действиях, я временно живу во дворце наследного принца и учусь вместе с Юн Шанем.

Говоря это, юноша робко смотрел на наложницу Ли.

Находясь в Холодном дворце, женщина была не накрашена. Однако несмотря на то, что на лице не было ни пудры, ни румян, её кожа по-прежнему оставалась прекрасной и блестящей, как жемчуг, а раскосые глаза, напоминавшие глаза красного феникса, до сих пор хранили частичку прежнего благородства.

В беспросветной комнате Юн Ци смотрел на рядом сидящую матушку, на её лицо, которое было подёрнуто дымкой. Да и сама наложница Ли выглядела совершенно спокойной. Юноша всё ещё чувствовал себя виноватым, словно его обман раскрыли, и не нашёл ничего лучше, чем спросить:

— Не знаю... Как поживает матушка... Хорошо ли, плохо ли? Цин И сказала мне, что матушка в добром здравии...

Наложница Ли не то улыбнулась, не то нет и бесцветно произнесла:

— Я живу здесь, по сравнению с твоим пребыванием во дворце, можно сказать, неплохо.
— Взгляд её блестящих глаз упал на Юн Ци. Вздохнув, женщина мягко и нежно добавила: — Ты вкусил много горя, как же матушке не знать об этом?

Юн Ци испугался, и его густые ресницы затрепетали.

Наложница Ли протянула руку и, сжав в ладонях руку сына, тихо спросила:

— Юн Ци, в прошлый раз матушка лично послала человека во дворец наследного принца, тебе удалось с ним встретиться?

Рука юноши внезапно задрожала. Помолчав некоторое время, Юн Ци тихонько кивнул.

— Хорошо, что вам удалось встретиться, — с облегчением выдохнула наложница Ли и, явно сильно переживая, продолжила: — В Холодном дворце очень тяжело найти трещину, и передать весточку нелегко. Твоя матушка прожила во дворце более двадцати лет и покровительствовала очень многим. Сейчас, когда для неё настал самый сложный момент, лишь только один или два человека могут ей помочь.

В комнате повисло долгое молчание.

Женщина снова тихо заговорила:

— Ты запомнил, что он тебе сказал?

Юн Ци поджал губы и честно кивнул.

— Ты выполнил всё, что он тебе сказал? — вслед за его ответом спросила женщина.

Её голос звучал очень легко, но Юн Ци по-прежнему дрожал всем телом.

Растерявшись на мгновение, юноша поднял голову и посмотрел на наложницу Ли, после смущённо ответил:

— Ваш сын бесполезен. Тогда было слишком много глаз, а Юн Шань взял важную вещь и спрятал. К тому же ваш сын... Матушка, та вещь... я не нашёл её.

Закончив говорить, юноша опустил взгляд и уставился на ноги, тихо ожидая гнева наложницы Ли.

Но женщина хранила молчание. Спустя какое-то времени она всё же прервала тишину, слегка разочарованно и в тоже время очень озадаченно проронив:

— Спрятал? Конечно, это же дворец наследного принца, ты ведь жил там раньше. Разве ты не знаешь, куда именно можно спрятать подобные вещи?

— Я... Матушка, я...

— Ты не хочешь? Или тебе это не под силу?

Хоть Юн Ци и избегал взгляда наложницы Ли, однако он недоумённо посмотрел на неё и, разомкнув губы, проговорил:

— Матушка, это... Это дело...

Рука, что до этого крепко держала его ладонь, внезапно ослабла, словно женщина хотела отдернуть её. Сердце Юн Ци словно разорвалось на куски, и юноша внезапно схватился за руку матери, крепко сжимая её в своих ладонях. Ему ничего другого не оставалось, как набраться мужества и, исполняя сыновний долг, проговорить:

— Раз уж так получилось, матушке больше не стоит злиться. Юн Шань сейчас является наследником престола, и он согласится выпустить матушку из заточения. Юн Линь тоже вернулся во дворец, матушка знает, что её сын всегда был в хороших отношениях с Юн Линем. Эти два брата, думаю... Думаю, они не создадут нам трудностей, и кто знает, может, в будущем и дядю тоже пощадят. Матушка, матушка, прислушайтесь к словам Вашего сына. В тот день Юн Шань куда-то уезжал, и Ваш сын не знает, отправился ли он на встречу с Гун Ухуэем или нет. К тому же, даже если у него в руках есть письмо от Гун Ухуэя, какой толк в том, чтобы красть его? Это может лишь навлечь на матушку несчастье. Вы... Вы хоть один раз прислушайтесь к словам Вашего сына.

Наложница Ли слушала Юн Ци, и, когда тот умолк, непонятно было,

то ли она злилась, то ли презирала. Находясь в растерянности, юноша вновь почувствовал, как слёзы застлали глаза и, словно жемчужинки сорвавшись с ресниц, скатились по лицу.

Юн Ци замер от страха. Он не осмелился больше сидеть, тотчас же вновь опустился на колени и, запрокинув голову, умоляюще проговорил:

— Матушка, не стоит злиться, просто прислушайтесь к словам Вашего сына, матушка, не следует презирать Вашего сына...

Наложница Ли крепко сжимала губы, словно боясь, что та боль и отчаяние, переполнявшие сердце, вырвутся наружу, и единственное, что ей оставалось — надеяться на это последнее препятствие, что смогло бы сдержать горький поток чувств. Всё также храня молчание, женщина вытянула руки и крепко обняла стоящего на коленях сына.

Мать и сын прильнули друг к другу, словно под Небом только они могли быть друг для друга опорой.

— Глупыш, матушка может ненавидеть всех на этом свете, но лишь к тебе она не испытывает ни ненависти, ни презрения. — Наложница Ли дрожала, однако голос её звучал мягко, убаюкивающе, он успокаивал и уносил куда-то все печали и тревоги. — Я знаю, ты слишком добрый и не можешь понять всех дворцовых бессердечных мыслей. И проживи хоть целый век, всё равно не поймёшь. Мой несчастный ребёнок. Владыка Неба, пожалел бы моего несчастного сына, зачем ты позволил мне родить его в императорском дворце?

Юн Ци вроде и понимал, но в тоже время терялся в догадках. Чувствуя себя весьма и весьма неловко, юноша невольно проронил:

— Матушка, не нужно так... В том, что написал Гун Ухуэй, нет ничего важного. Так зачем Вам

непрерывно понадобилось это письмо?

— Нет ничего важного? Так ты его прочёл?

Юн Ци тотчас же умолк, постыдно избегая взгляда наложницы Ли.

С мгновение посмотрев на сына, женщина беспомощно спросила:

— Юн Ци, хоть матушка и оказалась в таком положении, всё же меня не покидает мысль отомстить наложнице Шу. Ты не знаешь, что такое материнское сердце. У любой матери в глазах отражается лишь её ребёнок, в её глазах нет места песку. Юн Ци, ты в глазах наложницы Шу всего лишь песок. Она не проявит к тебе снисхождения. Понимаешь?

Юн Ци слегка вздрогнул.

Юноша не был идиотом, стоило наложнице Ли слегка намекнуть, как он всё понял.

Об остальном и говорить не стоило, а уж, что Юн Ци — бывший наследник престола, тем более. Узнай наложница Шу о том, что опальный принц делит постель с Юн Шанем, то сразу же схватит его и больше никогда не выпустит на свободу.

Какая мать может смириться с подобным?

Однако...

— Матушка, Юн Шань сказал...

— Не обращай внимания на то, что сказал Юн Шань! Он скажет что угодно, и ты поверишь ему?

— Я... — Юн Ци вновь умолк.

Страх своими костлявыми пальцами будто схватил сердце и жестоко сжал его. Боль, ужас и чувство опасности проскользнули в душу, отравляя её холодом.

Юноша не знал, на чью голову обрушится угроза, он не желал причинять зла никому во дворце.

Прежде всего он хотел спасти свою матушку, но и Юн Линя подвергать опасности тоже не стоило.

Может, на Юн Шаня?

Хоть у Юн Шаня и были слегка не привлекательные наклонности, но он действительно отличался от других. Юн Ци пришёл в смятение и почувствовал лёгкий вкус тоски, словно прошлой ночью, уснув в объятиях младшего брата, он нашёл самое умиротворяющее и спокойное место во всём дворце.

Чувства бережности и заботы сильно отличались от тех, что когда-то дарила ему матушка.

Это было нечто совершенно иное.

Юн Ци с детства почитал, любил и боялся наложницу Ли. Но теперь, когда случилась такая беда, они, наоборот, должны стать ещё ближе, чем раньше. Всё же матери и сыну нужно проявлять сердечность. Неужели даже в таком положении по-прежнему нужно лгать и подозревать друг друга, при этом не произнося ни одного тёплого слова, которое согрело бы душу?

Юн Ци задумался, вновь перебирая мысли в голове, поднял голову, потом вновь потупил взгляд. Так повторялось несколько раз. В итоге он украдкой смотрел на мать и мягко, словно маленький ребёнок, сжал руку наложницы Ли. После чего, запинаясь, умоляюще проговорил:

— Матушка, я... Я немного верю.

Говоря это, Юн Ци всё время думал о том, что, несмотря на мягкий характер, женщина также могла и рассвирепеть.

Опустив голову, юноша со страхом ожидал её ответа.

Наложница Ли была просто ошеломлена, неожиданно услышав слова Юн Ци. Но, вопреки этому, её взгляд, который упал на сына, стал мягче.

— Юн Ци.

— Я тут, матушка.

Наложница Ли тихо проговорила:

— Ты не хочешь, чтобы Юн Шань оказался в такой же передрыге, что и ты? Будучи свергнутым и подвергшись точно такому же наказанию, верно?

Юн Ци по природе был робким юношей, но в то же время он не мог избежать той убийственной

решимости, что теплилась в его сердце.

Всё его тело дрожало, хоть сам юноша, стоя на коленях перед лицом наложницы Ли, растерянно думал, что это предательство по отношению к ней, всё же виновато кивнул.

Наложница Ли предвидела это и неожиданно лишь вздохнула, вновь тихо проговорила:

— Если тебе придётся выбрать между смертью матушки и смертью Юн Шаня, чью смерть ты выберешь?

Юн Ци почувствовал, будто кто-то всадил в него нож, и, сразу подняв голову, в отчаянии посмотрел на наложницу Ли:

— Матушка, Вы... Зачем Вы так вынуждаете меня?

Красивое и нежное лицо наложницы Ли исказилось от боли.

— Матушка не вынуждает тебя, не вынуждает. — Без злости смотря на сына, женщина утешающе погладила Юн Ци по лицу, нежно и ласково говоря: — Дитя, в глубине души ты такой добрый, как может матушка так жестоко принуждать тебя? Этот вопрос я задала не тебе, а Юн Шаню.

Юн Ци был потрясён до глубины души.

Наложница Ли неторопливо проговорила:

— Юн Шань уже является наследным принцем, император может быть при смерти и, когда он умрёт, Юн Шань сразу же взойдёт на престол. Как только он сделает это, наложница Шу станет императрицей. После этого вдовствующая императрица не позволит жить ни мне, ни тебе. Если Юн Шань захочет сохранить тебе жизнь, то ему придётся пойти наперекор наложнице Шу. И вот тогда позволь Юн Шаню выбирать, спроси у него, чью смерть он выберет: твою или его матушки.

— Нет-нет-нет... — В смятении закачал головой Юн Ци. — Не будет такого, матушка, Ваш...

— К тому времени я уже умру, — печально и мрачно улыбнулась наложница Ли. — Но это не имеет значения, если тебе позволят жить, тогда я со спокойной душой сомкну глаза.

— Матушка, не будет такого...

— Так было всегда, — выделяя каждое слово, проговорила наложница Ли. — Всё нужно

вырывать с корнем. Из-за равной силы у неё нет возможности этого сделать. Но как только она приобретёт вес и авторитет, то, разумеется, сможет всё уничтожить.

Внезапно на её лице появилась странная улыбка и, понизив тон, женщина произнесла:

— Юн Ци, ты знаешь, что вчера сюда приходила наложница Шу?

Юноша растерянно покачал головой:

— Зачем она приходила сюда? Она... Она была настроена против матушки...

— Она всё ещё не императрица, да и той вещицы у неё нет, поэтому как она может поступать неосмотрительно? — И, коротко улыбнувшись, наложница Ли проговорила: — После двадцати лет нашей вражды у неё всё равно не хватает смелости самой взяться за дело. Эта женщина приходила сюда, чтобы выдвинуть свои условия.

— И какие же условия?

— Она дала мне обещание.

Юн Ци смутно чувствовал, что что-то не так, и вновь спросил:

— Какое обещание?

— Она пообещала мне... — Женщина изогнула губы в очень загадочной улыбке: — Она дала мне три дня на то, чтобы я сама свела счёты с жизнью. А когда она станет императрицей, она сохранит твою жизнь и позволит тебе вернуться в пожалованные земли Наньлиня, где ты проживёшь остаток своих дней.

От испуга у Юн Ци краска отлила от лица, в его сердце вновь разгорелись обида и ненависть:

— Что это ещё за условия? Матушка, я расскажу отцу-императору, что она, оказывается...

— Конечно, её условия — всё же неплохая сделка. Вот только если бы она смогла придерживаться данного обещания, то я бы, не сказав ни слова, тотчас же повесилась.

— Наложница Ли была равнодушна и спокойна. Её взгляд медленно изменился, став жестоким, а сама женщина холодно улыбулась: — Однако я знаю, какая она на самом деле. Ах, она несносная, как только она обнажила свой истинный облик, я всё поняла.

Юн Ци не понимающе проговорил:

— Матушка, что Вы поняли?

Наложница Ли слегка изогнула губы в неожиданно радостной улыбке и посмотрела на Юн Ци:

— Естественно, она понимает, что её умелый и смыслённый наследник престола взял под свою защиту моего Юн Ци. Иначе почему она так спешно вынуждает меня свести счёты с жизнью? Я умру, а ты в таком случае можешь доставить Юн Шаню беспокойство, и как только ты это сделаешь, у неё появится повод избавиться от тебя.

Юн Ци, услышав первую фразу, оцепенел и до невозможности смутился.

То, чем он с Юн Шанем занимался, совершенно никого не касалось. От смущения юноша не знал, куда спрятать лицо, тем более, учитывая манеру речи наложницы Ли, становилось понятно, что она о чём-то догадывается.

Опустив голову, Юн Ци стиснул зубы и не проронил ни слова.

Но женщина была на удивление очень ласковой и вопреки этому проговорила, утешая сына:

— Юн Ци, не нужно смущаться. Никто не узнает, кроме того, неужели матушка не поймёт тебя — своего ребёнка? В императорском дворце творятся более постыдные вещи, чем те, что происходят между братьями. Если только ты счастлив, то чем бы там не занимался, матушка нисколько не винит тебя. Однако...

Длинные и холодные пальцы мягко коснулись подбородка Юн Ци и, держа его, приподняли лицо.

— Однако ты должен послушать матушку. Возьми то, что написал Гун Ухуэй Юн Шаню, и незаметно принеси это сюда.

— Матушка...

— Матушка никому не причинит вреда, она лишь хочет спастись. — Наложница Ли искренне смотрела на сына. — Это доказательство того, что Юн Шань лично посещал императорскую тюрьму, чтобы встретиться с Гун Ухуэем. Может, Юн Шанем и нельзя управлять, однако это всё же соломинка, за которую можно ухватиться. Позиция наследника престола всё ещё нестабильна, наложница Шу хоть и обладает десятикратным мужеством, но всё равно боится, что слухи об этом деле дойдут до ушей императора. Если эта вещь попадёт в мои руки, то матушка сможет с её помощью припугнуть наложницу Шу, чтобы та не осмелилась и пальцем тронуть нас хотя бы на какое-то время. Если она шантажирует меня моим же собственным сыном, то я тоже в отместку стану шантажировать её сыном.

Юн Ци в душе слегка содрогнулся и, колеблясь между верой и неверием, спросил:

— В самом деле?

Наложница надменно проговорила:

— В стенах императорского дворца мы с ней сражались на протяжении почти двадцати лет, и никто не способен ничего предпринять против того, кто обладает весомыми доказательствами. Ты не хочешь, чтобы кто-то защитил нас? Это единственный выход.

Юн Ци, ненадолго задумавшись, кивнул:

— Этот выход хоть и выглядит приемлемым, однако разве матушка сама не сказала, что когда Юн Шань взойдёт на престол, наложница Шу станет вдовствующей императрицей? После того, как отец-император умрёт, она уже не будет жить в постоянном страхе.

— Дитя, в ближайшем будущем тебя ждёт смерть, а ты всё ещё думаешь, что делать дальше?
— Наложница Ли безнадежно проговорила: — Дворец царских жён — тёмный путь, усеянный острыми кинжалами. Кто осмелится надеяться, что за всю жизнь его не коснутся эти лезвия, и он сможет пройти этот путь до самого конца? Что будет, то будет, а там посмотрим. Понимаешь?

Юн Ци молчал.

— Юн Ци?

— Да... Ваш сын понимает...

<http://bllate.org/book/13372/1189581>